

Линия Маннергейма

Павел В. Петров

Виктор Н. Степаков

Россия, Санкт-Петербург

Март 16, 2012

Аннотация

В данной работе исследуется вопрос о роли линии финских фортификационных сооружений на Карельском перешейке («Линия Маннергейма») на общий ход советско-финляндской войны. Авторы также постарались выяснить, насколько обоснованным является широко распространенный в литературе тезис о плохом знании советской военной разведкой оборонительных сооружений финнов на Карельском перешейке перед «зимней войной». Внимательное изучение источников, опубликованных в последние годы, показывает, что претензии советских военачальников к работе разведки во многом являются надуманными. Разведывательное управление Генштаба РККА своевременно предоставило исчерпывающую информацию о характере финской обороны на Карельском перешейке. Однако неграмотные действия большинства высших командиров Красной Армии в ходе войны потребовали впоследствии удобного объяснения своих просчетов. С этой целью было решено большинство неудач в ходе советско-финляндской войны отнести на счет плохой работы военной разведки.

Ключевые слова: Карельский перешеек, линия Маннергейма, оборонительные сооружения, фортификация, долговременная огневая точка (ДОТ), дерево-земляная огневая точка (ДЗОТ), позиция, разведка.

В отечественных военно-исторических трудах, посвященных советско-финляндской войны 1939–1940 гг., особое, можно сказать, центральное место занимает финская система фортификационных укреплений на Карельском перешейке, известная широкой публике больше под названием «линии Маннергейма». Это и неудивительно, ибо именно эта укрепленная линия в ходе войны была стержнем неприятельской обороны, за овладение которой Красная Армия была вынуждена вести длительные и кровопролитные бои. Именно огромные трудности, связанные со штурмом финских оборонительных укреплений, и большие потери, понесенные советскими войсками при порыве «линии Маннергейма», и

привели к возникновению в нашей литературе многочисленных мифов о финской оборонительной системе. Так что же представляла собой «линия Маннергейма»?

Строительство финнами системы долговременной фортификации на Карельском перешейке, больше известной нам под названием «линии Маннергейма», велось с перерывами в течение 1920–1939 гг.

Первый этап строительных работ по созданию оборонительных объектов был осуществлен в 1920–1924 гг. В этот период по проекту начальника Генерального штаба ВС Финляндии генерал-майора О. Энкеля на Карельском перешейке было возведено 168 бетонированных и железобетонных сооружений¹, из них 114 пулеметных, 6 орудийных казематов, один – орудийно-пулеметный каземат, а остальные сооружения являлись укрытиями для живой силы и пунктами управления огнем². Всего на главной оборонительной полосе было построено 18 узлов обороны, система которых получила название «линии Энкеля» и проходила через следующие населенные пункты и водные рубежи: Ремпетти–Хуммалийоки–Сумма–Муолаанярви–Юрьяпянярви–часть Вуоксин-ской водной системы (ныне Ключевое–Ермилово–Солдатское–оз.Глубокое–оз.Раковые–Вуокса–Соловьево)³. Также «линия Энкеля» имела тыловую оборонительную полосу, прикрывавшую подступы к Выборгу и состоявшую из 10 оборонительных узлов⁴.

Второй этап строительных работ на Карельском перешейке развернулся с начала 1930-х гг. и делился по времени на три периода – 1932–34 гг., 1936–38 гг. и 1938–39 гг.. В 1932–34 гг. на участке: Хатъялахденярви–Куолемаярви–Кипинолаанярви, — под руководством инженера-подполковника И. Фабрициуса было возведено 6 железобетонных пулеметных ДОТов. Впоследствии этот укрепленный узел главной оборонительной полосы будет назван иностранными журналистами, аккредитованными в Финляндии, «линией Маннергейма».

Начиная с августа 1936 г. финские укрепления подверглись значительной модернизации, которая заключалась в основном в том, что к сооружениям постройки времен Энкеля пристраивались новые железобетонные боевые казематы фланкирующего огня с применением высокопрочных материалов. Прочность бетона новых сооружений достигла 600 кг/см², по сравнению с 300 кг/см² в ДОТтах первого периода постройки⁵. Кардинальной модернизации было подвергнуто 5 из 20 укрепленных узлов финской оборонительной линии – Сумманкюля, Ляхде, Мьялкеля, Муолаанкюля и Эюрьяпя. Также пристраивались и новые укрепленные узлы. Так, в начале 1938 г. между озером Муолаанярви и укрепленным узлом Лейпясуо был построен новый узел обороны – Суурниemi, состоявший из 5 ДОТов, укрытия и

командного пункта. А в укрепленных узлах Суммаярви и Лейпясуо добавилось еще по 2 ДОТа новейшего типа⁶.

С 1937 г. на Карельском перешейке началось возведение первых ДОТов так называемого «миллионного» типа (такое название эти сооружения получили из-за значительных денежных сумм, затраченных на их строительство). ДОТы–«миллионеры» состояли из двух или трех боевых казематов, соединенных между собой подземными переходами, а также служебных помещений, в которых находились машинное отделение, склады боезапаса и продовольствия, кухня, туалет, общая и офицерская комнаты. Амбразуры данных сооружений были прикрыты, как правило, 3–5 бронеплитами, толщиной в 60–70 мм каждая, выдерживавшими попадания 152-мм снарядов. Большая часть этих ДОТов имели одну или несколько броневых башен, встроенных в потолочные перекрытия. Толщина стенок башен достигала 18 см. Покрытие ДОТов «миллионного» типа зачастую доходило до 2-х м толщины, что позволяло выдерживать даже прямые попадания 203-мм снарядов. Вооружение «миллионеров» состояло, как правило, из 1–2 артиллерийских орудий и 3–4 пулеметов. Всего финны построили 8 «миллионных» ДОТов, которые располагались на наиболее опасных, с точки зрения возможного наступления войск противника, участках обороны – в укрепленных узлах Сумманкюля, Суммаярви, Лейпясуо и Инкиля⁷.

К осени 1939 г. система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке состояла из предполья, главной, промежуточной и тыловой оборонительных полос. Составной частью фортификационной системы финнов являлись островные и береговые артиллерийские батареи, расположенные на прибрежных островах и побережье Финского и Выборгского заливов и Ладожского озера.

В общей сложности на главной оборонительной полосе протянувшейся почти на 140 км – от Тайпале на берегу Ладожского озера до Кюренними на побережье Финского залива и включавшей в себя 22 укрепленных узла обороны, находилось 130 долговременных огневых сооружений, из которых — 74 старых одноамбразурных пулеметных ДОТов фронтального огня, 48 новых и модернизированных ДОТов, в которых имелось от 1 до 4 пулеметных амбразур фланкирующего огня, 7 артиллерийских ДОТов и 1 пулеметно-артиллерийский капонир⁸. К тому же на тыловой оборонительной полосе, под Виипури, было расположено еще 24 бетонных сооружения, из которых 21 были одноамбразурными пулеметными ДОТами⁹. По другим данным, на главной и отсечных оборонительных полосах находилось 194 железобетонных и 805 деревоземляных и каменных сооружений, а на тыловой полосе – 39 железобетонных и 178 деревоземляных и каменных сооружений¹⁰.

Всего же на Карельском перешейке было возведено 221 бетонное сооружение, из них 137 однопулеметных ДОТов, 13 двухпулеметных, 7 трехпулеметных, 8 артиллерийских ДОТов, 9 командных пунктов, 41 капонир и 6 убежищ для пехоты (по последним уточненным данным, общее число железобетонных сооружений, построенных финнами на Карельском перешейке, равнялось 214, из которых 134 были ДОТами), а также 1 410 деревоземляных сооружений, в том числе 606 ДЗОТов и 804 блиндажа¹¹. Впрочем, имеются и такие сведения, что всего имелось 922 пулеметных сооружения и 235 железобетонных артиллерийских сооружений¹².

Полевые укрепления «линии Маннергейма» состояли из 440 км окопов и ходов сообщения, 136 км противотанковых рвов, эскарпов и надолбов и 331 км проволочных заграждений в 3–5 рядов кольев¹³.

В целом, оборонное строительство на Карельском перешейке и в р-не Ладожского озера обошлось бюджету Финляндии в 621 млн. финских марок, из которых 380 млн. марок было израсходовано в ходе первого периода строительства и 241 млн. марок – на втором периоде строительства укреплений. Причем подавляющая часть этих расходов (535 млн. финских марок) пошла на строительство укреплений «линии Маннергейма» на Карельском перешейке¹⁴.

С началом советско-финляндской войны 1939–1940 гг., части 7-й армии под командованием командарма 2-го ранга К. А. Мерецкова, наступавшие на Выборгском и Кексгольмском направлениях на Карельском перешейке, вплотную подошли к основным укреплениям «линии Маннергейма» уже в первой декаде декабря 1939 г. По оперативному плану, на прорыв обороны противника советским войскам отводилось 4–5 дней. Первая попытка правофланговой группы войск 7-й армии (группа комкора В. Д. Грендаля) преодолеть финскую линию на ее крайнем левом фланге – в р-не Тайпале, в начале декабря 1939 г. не увенчалась успехом. После этой неудачной попытки командование 7-й армией быстро произвело рокировку своих сил, перебросив большую их часть для действий на главном, Выборгском, направлении. А именно, прорыв «линии Маннергейма» предполагалось осуществить на участке фронта озеро Муоланярви–поселок Сумма. Выполнение этой боевой задачи было возложено на пять стрелковых дивизий из состава 19-го и 50-го корпусов 7-й армии, значительно усиленных тяжелой артиллерией (в том числе из Резерва главного командования) и танками. Одновременно с главным ударом на Выборгском направлении, войска группы В. Д. Грендаля должны были нанести вспомогательный удар на Кексгольмском направлении.

17 декабря войска 7-й армии начали штурм «линии Маннергейма». Несмотря на героические усилия красноармейцев и большое количество применяемых танков (в том числе и новейшие типы – «КВ», «СМК» и «Т-100»), взломать финскую оборонительную систему так и не удалось. На протяжении четырех дней – с 17 по 20 декабря – неприятельская линия укреплений успешно выдержала многочисленные атаки советских войск, так и оставшись для нас неприступной¹⁵. Опыт декабрьских боев показал, что без тщательной разведки и последующего разрушения долговременных сооружений артиллерией, а также без инженерного обеспечения, разрозненные атаки пехоты и танков не могут быть успешными. Неудачный штурм советскими частями «линии Маннергейма» стал также причиной возникновения в войсках самых фантастических слухов о многоэтажных и резиновых ДОТах, от которых якобы отскакивают снаряды, не причиняя им никакого вреда¹⁶. Исходя из создавшейся обстановки, Ставка Главного командования РККА приняла решение приостановить с 26 декабря 1939 г. дальнейшее наступление 7-й армии и перейти к позиционной обороне. В образовавшийся период передышки войскам следовало тщательно подготовиться к прорыву финского оборонительного рубежа.

Ветеран финской войны И. В. Беликов, бывший красноармеец 173-й стрелковой дивизии, вспоминал: *«Отношение нас, солдат, к этой войне было неважным. Мы задавали вопрос командирам о том, что зачем штурмовать линию Маннергейма в лоб, может можно ее как-нибудь обойти? Но нам командование твердило, что в гражданскую войну Красная армия взяла крымский Перекоп штурмом, вот и на этот раз, мы будем брать линию Маннергейма героическим штурмом»*¹⁷.

Весь январь и первые дни февраля 1940 г. на Карельском перешейке шла планомерная подготовка к прорыву финской обороны. В первую очередь, была проведена реорганизация управления войсками. На основании решения Ставки Главного командования, группа комкора В. Д. Грендаля была переформирована в 13-ю армию в составе двух стрелковых корпусов. Для объединения действий 7-й и 13-й армий был образован Северо-Западный фронт во главе с командармом 1-го ранга С. К. Тимошенко. Обе армии, входившие в состав фронта, были значительно пополнены личным составом и боевой техникой. Бойцы в период затишья усиленно тренировались в преодолении различных инженерных заграждений и уничтожении огневых точек противника. Одновременно с этим велась активная разведка «линии Маннергейма», с целью более точного выявления неприятельской обороны, и осуществлялось разрушение отдельных финских оборонительных сооружений. Для уничтожения ДОТов, ДЗОТов и блиндажей противника применялась в большом количестве тяжелая артиллерия (включая 152-мм пушки Бр-2, 203-мм гаубицы Б-4 и 280-мм мортиры

Бр-5 из состава артиллерии РГК), бомбардировочная авиация из состава ВВС фронта и армий, а также специально созданные штурмовые группы подрывников. Как это происходило? Вспоминает А. С. Чавин, бывший наводчик 225-го гаубичного артиллерийского полка (ГАП) 51-й стрелковой дивизии: *«ДОТы на линии Маннергейма были сооружены по последнему слову техники того времени. Иной раз случалось, что даже прямое попадание крупнокалиберного снаряда или бомбы не могли вывести его из строя. Вот и приходилось с одной огневой позиции стрелять в течение 5–6 дней, буквально выдалбливать по крохам эти сооружения»*¹⁸.

Свидетельство артиллериста можно дополнить рассказом П. И. Бойко, ветерана 2-го скоростного бомбардировочного авиаполка (СБАП) Ленинградского военного округа: *«Началась боевая работа полка. Сначала это были бомбежки укреплений линии Маннергейма, а в дальнейшем бомбили и важные промышленные объекты, такие как ГЭС на реке Иматра, радиостанцию в Лахти, да и города в глубине страны – Сортавала, Виипури (Выборг), Кексгольм и другие. Бомбежки линии Маннергейма вскоре прекратили из-за их неэффективности. Пустая трата боеприпасов. Пехота застряла и несла огромные потери. Мощные железобетонные ДОТы оказались непробиваемыми даже для 500 кг бомб! Однако вскоре вновь вернулись к бомбежкам укреплений. Отныне стали действовать по такой схеме: каждая эскадрилья получала свой участок линии Маннергейма, который и подвергала бомбометанию. За моей эскадрилей был закреплен участок, где по данным разведки, находилось 22 или 24 ДОТа. Правда, бомбили не прицельно – по ведущему. Главное это – перепахать множество раз тяжелыми бомбами весь этот участок. Наверное, дней 10 пахали. Ну и перепахали! Казалось, ничего живого там не сохранилось. Как бы не так! Как слону дробина. Были, конечно, и прямые попадания, но не такие, чтобы ДОТ не оживал при атаке пехоты. В общем, прекратили это пустопорожнее дело по команде сверху. А ДОТы разрушили саперы. Ночью на волокушах подтягивали сотни килограммов взрывчатки и подрывали. Каждую огневую точку в отдельности»*¹⁹.

Ветеран финской войны В. С. Казаков, бывший красноармеец 100-й стрелковой дивизии, рассказывал о разрушении финских укреплений следующее: *«Командование приняло решение создать для уничтожения ДОТов специальные группы подрывников. В нашем полку была сформирована подобная группа в состав которой вошел и я. Помню, как взорвали одно укрепление. Артиллерия открыла огонь по амбразурам ДОТа, финны опустили бронированные заслонки, а мы воспользовались этим и сумели ползком подобраться к сооружению, подтянуть волокуши со взрывчаткой. Артиллерия перенесла огонь в глубину, по траншеям вокруг огневой точки, чтобы лишить противника возможности оказать*

помощь блокированному укреплению. Наша группа подготовила ДОТ к взрыву, отошла в укрытие и подожгла бикфордов шнур. Сильнейшим взрывом огневую точку разломило на две части. Одна часть сохранилась, а другая – сплошные обломки. Весь гарнизон ДОТа погиб. А через некоторое время финны пошли в контратаку. Я, со своим другом Костей Шибановым, в этот момент находились в сохранившейся части огневой точки, где было немного теплее, чем на улице. Выскочили наружу. На бруствере траншеи наткнулись на наш пулемет с убитым расчетом. Костя лег за «Максим», а я стал подавать ленту. Своим огнем мы прижали финнов к земле. Они залегли в сотне метров от нас. Вскоре к траншее подошел наш танк и начал бить по противнику. Финны побежали назад, а мы с Костей палили в спины бегущим»²⁰.

3 февраля 1940 г. командующий войсками Северо-Западного фронта командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко направил в войска оперативную директиву № 0012сс. Согласно директиве, 7-я армия должна была нанести главный удар девятью дивизиями на фронте озеро Муоланярви–Кархула. 13-я армия получила задачу силами пяти стрелковых дивизий нанести главный удар левым флангом на участке от озера Вуоксиярви до озера Муоланярви, а вспомогательный удар – на правом фланге двумя стрелковыми дивизиями в направлении города Кексгольма²¹.

Приказом командующего войсками Северо-Западного фронта, решительное наступление было назначено на 11 февраля. Накануне штурма, 9 февраля 1940 г., Военный совет фронта направил в войска обращение, в котором призывал *«перейти в наступление, захватить и уничтожить вражеские укрепления по всему фронту, опрокинуть врага и преследовать отступающие войска противника до окончательного их поражения и полного разгрома»*²². Тем самым, по мнению командования фронтом, будет навсегда обеспечена *«безопасность северо-западных границ Советского Союза и Ленинграда»*²³.

Утром 11 февраля 1940 г. войска Северо-Западного фронта перешли в решительное наступление. Подполковник финской армии И. О. Ханнула оставил об этом незабываемом событии следующие воспоминания: *«В воскресенье 11 февраля в 8.20 утра русские начали артиллерийскую подготовку, мощь которой превысила все перенесенные до сих пор в финской зимней кампании. Мощь огня, около ста сосредоточенных батарей, была настолько большой, что ее можно сравнить только с наибольшими артиллерийскими сражениями мировой войны. Одиночные выстрелы и взрывы терялись в непрерывном громе и гуле. На наиболее опасном участке Ляхтее вся местность, начиная от передовой линии и на 2 км позади опорной линии, была густо усеяна снарядными воронками. Стрелковые окопы главной линии обороны были уничтожены во многих местах, пулеметные гнезда и блиндажи*

разрушены от точных попаданий, а живая сила на этом участке понесла очень большие потери. В 11.30 артогонь был перенесен в глубь обороны. И в тот же момент танки противника в сопровождении пехоты ринулись против разрушенных позиций. Главный удар был направлен вдоль западного края болота Мунасуо, которое в нынешнюю суровую зиму так сильно промерзло, что выдерживало даже самые тяжелые танки. Обороняющиеся смело вступили в бой, но не смогли задержать прорвавшиеся через разрушенные окопы танки. С передовой линии отступили к опорной линии. Такого рода прорывы танков были часто и раньше на данном и других участках фронта, но на этот раз их атака была организована значительно лучше и мощнее, чем прежде. С места прорыва танки, следующие позади. Поворачивали направо и налево по обеим сторонам линии стрелковых окопов и начали интенсивно обстреливать фронт в продольном направлении и живой силой защищать позиции обороны. В этом жестоком бою обороняющиеся понесли большие людские потери. Один за другим были потеряны опорные пункты, а людям, сидевшим в них, пришлось отступить назад к опорной линии, чтобы избежать полного уничтожения. Но и наступающим наносились удары, которые замедляли их продвижение. Всего было уничтожено или приведено в негодность около 20 танков. Сражение продолжалось на местности между главной линией обороны и опорной линией, а вечером через место прорыва прошли новые отряды танков в сопровождении пехоты, последние немедленно стали окапываться. Таким образом, противнику удалось в силу артиллерийского превосходства и танков прорвать главную позицию обороны и направиться к опорной линии, несмотря на то, что наши части сделали все, что было в их человеческих силах»²⁴.

В течение нескольких дней (с 11 по 15 февраля 1940 г.) на «линии Маннергейма» продолжались ожесточенные бои. Советские войска упорно расширяли прорыв, преодолевая отчаянное сопротивление финнов. Подполковник Ханнула позднее писал: «Во вторник 13-го февраля произошло в основном повторение того большого удара, который был проделан в воскресенье против главной линии обороны. На этот раз атака была направлена против участка Ляхтее. Несмотря на решительное сопротивление гарнизонов, танкам противника удалось прорваться восточнее Кямьяря. Танки взяли направление на север, атаковав, между прочим, ближайшиe артиллерийские позиции и командный пункт одного из пехотных полков, а пехота противника следовала за танками, частью на автомашинах. Когда прорыв стало невозможным заполнить, то пришлось утром 14-го оттянуть части, оставшиеся на опорной линии. В это время прибывшие резервы сделали все возможное для задержки противника на открытой местности у дороги на Кямьяря. При интенсивной поддержке танков, воздушных сил и артиллерии русские все же продвигались вперед и 15-го февраля

завладели перекрестком дорог Ляхдее, откуда, между прочим, можно было угрожать с тыла позициям Суммы. В таком положении финскому военному командованию не оставалось ничего другого, как отдать приказ частям западной половины Карельского перешейка об отходе назад от обороняемой ими раньше линии, организовав оборону на новом рубеже»²⁵.

К вечеру 16 февраля на участке наступления 7-й армии «линия Маннергейма» была прорвана полностью. 13-я армия поставленную задачу выполнила лишь частично, преодолев предполье оборонительной полосы на фронте протяженностью 18 км, и продвинулась в глубину на 4–5 км к северному берегу озера Муоланярви.

Финские войска были вынуждены отступить по всему фронту – между Вуоксинской водной системой и Финским заливом – на так называемую тыловую оборонительную позицию. Однако сдержать на ней советское наступление оказалось невозможным. Дальнейшее продвижение частей 7-й и 13-й армий Северо-Западного фронта к Выборгу было стремительным и неотвратимым. В течение 27–28 февраля частями 7-й армии была успешно прорвана финская тыловая позиция, после чего падение Выборга стало уже вопросом времени. В первых числах марта развернулись бои непосредственно на окраинах города Выборга. Результатом столь катастрофично сложившейся для финского командования ситуации стало заключение 12 марта 1940 г. мирного договора между СССР и Финляндией.

«После прорыва линии Маннергейма между солдатами был разговор о том, что ее следовало держать в осаде, а не брать в лоб. Политруки нам отвечали, что прорвав линию мы лишний раз доказали то, что никаких препятствий нам нет», – вспоминал о тех героических днях В. И. Сурков, ветеран 376-го артиллерийского полка²⁶.

Следует заметить, что за период боевых действий с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. на Карельском перешейке 7-я армия потеряла 18459 человек убитыми и пропавшими без вести и 81460 человек ранеными, обмороженными и заболевшими. Потери 13-й армии составили 20704 человек убитыми и пропавшими без вести, а также 68456 человек ранеными, обмороженными и заболевшими²⁷. Понятно, что основной процент столь значительных безвозвратных и санитарных потерь советских войск пришелся именно на прорыв укреплений «линии Маннергейма».

В заключение, следует подчеркнуть, что в различных исторических трудах, изданных в нашей стране до конца 1980-х годов, было широко распространено ошибочное мнение о том, что «линия Маннергейма» до начала войны с Финляндией была практически неизвестна советской военной разведке и, соответственно, командованию РККА и поэтому понадобилось в буквальном смысле «удариться лбом о стену», чтобы понять характер

финской оборонительной системы. Первым взял на вооружение эту нехитрую версию нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов в своем докладе «Уроки войны с Финляндией», прочитанном им на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. Объясняя высшему политическому руководству страны причины многочисленных неудач Красной Армии во время войны с Финляндией, маршал не забыл пожаловаться на деятельность разведки: «...*О строительстве финнами на Карельском перешейке укрепленного района военное ведомство знало, но что в действительности представляет этот укрепленный район, мы, к сожалению, узнали только после того, как наши героические войска его прорвали и заняли Выборг*»²⁸. И далее К. Е. Ворошилов особо подчеркнул следующее обстоятельство: «...*Плохо поставленное дело военной разведки вообще особенно отрицательно отразилось на нашей подготовке к войне с Финляндией. Наркомат обороны, и Генеральный Штаб в частности, к моменту начала войны с Финляндией не располагал сколько-нибудь точными данными о силах и средствах противника, ... особенно плохо был осведомлен о действительном состоянии Укрепленного района на Карельском перешейке*»²⁹. Эта удобная точка зрения впоследствии не только прижилась в нашей военно-исторической литературе, но с ней также согласились многие известные военные деятели, отнюдь не понаслышке знавшие о самой «линии Маннергейма». Даже непосредственный участник советско-финляндской войны, бывший командующий войсками Ленинградского военного округа, маршал К. А. Мерецков, не постеснялся в своих мемуарах, написанных уже в конце 1960-х годов, утверждать следующее: «...*Правда, детальной характеристики всей линии Маннергейма нигде не проводилось. Некоторые сотрудники нашей разведки, как это явствовало из присланных в ЛВО материалов, считали даже эту линию не чем иным, как пропагандой. Как выяснилось впоследствии на практике, это был грубый просчет... Перед началом действий я еще раз запросил разведку в Москве (относительно финских укреплений – Авт.), но опять получил сведения, которые позднее не подтвердились, так как занизили реальную мощь линии Маннергейма. К сожалению, это создало многие трудности. Красной Армии пришлось буквально упереться в нее, чтобы понять, что она собой представляет*»³⁰. Именно отсутствием достоверных разведывательных данных о финских оборонительных сооружениях К. А. Мерецков пытался объяснить неудачные операции 7-й армии по прорыву «линии Маннергейма» в декабре 1939 года (при этом, Мерецков не стал вспоминать о том, какие чрезвычайно «умные» указания он давал тогда войскам – к примеру, об уничтожении ДОТов огнем 45-мм противотанковых или 76-мм полковых пушек!). Впрочем, вполне естественно, что собственное бестолковое руководство войсками надо было чем-то прикрыть – например, плохой разведкой.

Итак, во всем виновата разведка, которая почему-то ничего не знала о строительстве прямо под боком у СССР на протяжении целых 20 лет многочисленных оборонительных сооружений! Остается только удивляться поразительной слепоте разведотдела Ленинградского военного округа и 5-го (Разведывательного) управления Генерального штаба РККА, которые упорно не замечали столь масштабного строительства и, вообще, непонятно чем занимались. Но насколько соответствует действительности вышеприведенные утверждения?

Лишь в 1990 г. в журнале «Знамя» были опубликованы любопытные воспоминания бывшего подполковника Разведывательного управления Генерального штаба РККА В. А. Новобранца. В своих мемуарах Новобранец выразил решительный протест против привычной трактовки событий и изложил свое мнение по данному вопросу: *«... А теперь позволю себе как свидетелю и участнику многих событий восстановить историческую правду о разведке и о ее мнимых грехах в советско-финской войне... Хорошо помню, что все мы, работники оперативного отдела (накануне и во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В. Новобранец работал в оперативном отделе Штаба ЛВО – Авт.), пользовались так называемым “черным альбомом”, в котором содержались все исчерпывающие данные по финским укреплениям на Карельском перешейке (“линия Маннергейма”). В альбоме были фотоснимки и характеристики каждого ДОТа: толщина стенок, наката, вооружение и т.д. Позднее, уже работая в Разведупре, я опять-таки видел этот “черный альбом”. Он был и в штабах действующих войск на Карельском перешейке. Как же смели руководители правительства утверждать, что таких данных не было? Виновно в неудачных начальных действиях войск само правительство, и в первую очередь нарком обороны Ворошилов и лично Сталин, а не разведка»³¹*. Таким образом, В. А. Новобранец решительно опровергает расхожую версию, убедительно доказывая, что наше командование располагало к началу войны всеми необходимыми сведениями по «линии Маннергейма».

А вскоре свидетельство Новобранца подтвердилось более чем весомым источником. В 1998 г. была наконец издана стенограмма совещания при ЦК ВКП(б) начальствующего состава РККА по обобщению опыта боевых действий против Финляндии от 14–17 апреля 1940 г. На этом совещании выступали многие высшие командиры Красной Армии, отмечавшие различные недостатки в действиях наших войск. В частности, выступил на совещании и командующий войсками Ленинградского военного округа и 7-й армии командарм 2-го ранга К. А. Мерецков. Так вот, на совещании он заявил прямо противоположное тому, что написал много лет спустя в своих воспоминаниях. А именно,

Мерецков признался в следующем: *«...Мы обвиняли агентуру в том, что она нам не дала самых детальных сведений. Тут надо меру знать, агентуру нельзя всегда обвинять. У нас, например, был альбом УР (укрепленного района – Авт.) противника, по нему мы и ориентировались»*³². Более того, из дальнейших объяснений К. А. Мерецкова следовало, что он постоянно пользовался этим альбомом по «линии Маннергейма», который лежал у него *«на рабочем столе, с левой стороны»*³³. Выступавший после Мерецкова начальник 5-го (Разведывательного) управления Генштаба РККА комкор И. И. Проскуров не только подтвердил наличие вышеупомянутого «черного альбома» со схемой финских укреплений, но и поведал присутствующим о том, какие именно данные были включены в этот альбом. В частности, он рассказал, что на Карельском перешейке финнами было построено три оборонительных рубежа – предполье, вторая (главная) оборонительная полоса и Выборгская тыловая позиция, на которых располагалось *«до 210 железобетонных и артиллерийских точек»*³⁴. Более того, он подчеркнул, что данный альбом был передан Генеральному штабу РККА уже к 1 октября 1939 г.³⁵ Наконец, Проскуров заверил всех, что *«все имеющиеся сведения об укреплениях и заграждениях были разработаны, нанесены на карту в Ленинграде и разосланы в войсковые соединения»*. Единственным серьезным упущением, по признанию начальника 5-го управления И. И. Проскурова, было то, что достоверных данных по оборонительному строительству финнов *«во вторую половину 1939 г. мы не имели»*³⁶, поэтому они не были нанесены на схему.

Из заявления начальника Разведуправления РККА Проскурова можно вынести два основных вывода. Во-первых, важно отметить, что общее количество указанных Проскуровым финских бетонных сооружений почти в точности соответствует финским данным (210 и 221). Да и сама схема финских укреплений, включая почти все узлы обороны, была также хорошо известна советской разведке. А во-вторых, разведывательные данные по финским укреплениям были представлены в Генеральный штаб заблаговременно — за 2 месяца до начала войны. То есть, времени на изучение этих данных у высшего командования РККА имелось более чем достаточно, так что жаловаться на проволочку не приходится. Характерно, что секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин, завершавший своим докладом апрельское совещание 1940 г. и подводивший его итоги, не стал выдвигать никаких отдельных претензий к разведывательным органам. Суммируя все вышесказанное, мы видим, что советская разведка сделала буквально все зависящее от нее в деле добывания информации по финским укреплениям и добилась в этом немалых успехов. А вот насколько эффективно командование Красной Армии сумело использовать полученные разведданные, пускай уже судит читатель.

В заключении хочется сказать о том, что «линия Маннергейма» представляет собой интересный, но, к сожалению, совершенно забытый памятник истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Следы линии – немые свидетельства жестоких боев – сохранились и поныне. В лесах Карельского перешейка можно встретить развороченную взрывом железобетонную глыбу огневой точки и даже побывать в подземных казематах некоторых «миллионных» ДОТов. Или увидеть «зубы дракона» – ряды гранитных надолб и железные колья противопехотных заграждений. Или постоять на одном из братских захоронений советских воинов, обнаруженном и восстановленном в районе рощи «Молоток» в 1995 г. В относительной сохранности от прежней линии остались лишь считанные железобетонные сооружения: пехотное укрытие близ озера Суммаярви, казематы тяжелой батареи в районе реки Каарнайоки, командный пункт в районе реки Салменкайта.

В современной Финляндии существует музей под открытым небом – фортификационная «линия Салпа» – аналог «линии Маннергейма», отдельные сооружения которой содержатся в надлежащем порядке, и каждый желающий может без труда ознакомиться с ними. Вероятно, когда-нибудь подобное будет сделано и у нас, на Карельском перешейке. А пока, чтобы побывать на местах знаменитых боев зимней войны, необходимо брать с собой знающего проводника и не трогать неразорвавшиеся снаряды, довольно часто встречающиеся там.

Примечания:

¹ Talvisodan historia. Os. 1. Porvoo-Helsinki-Juvaskyla, 1977. S. 207.

² Балашов Е. А., Степаков В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. СПб., 2000. С. 9.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 13–16.

⁶ Там же. С. 14, 16.

⁷ Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 190. Балашов Е. А., Степаков В. Н. Указ. соч. С. 14–16.

⁸ Балашов Е. А., Степаков В. Н. Указ. соч. С. 19.

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Leskinen J., Juutilainen A. Talvisodan pikkujattilainen. Helsinki, 1998. S. 500.

¹¹ Talvisodan historia. Os. 1. S. 215. Балашов Е. А., Степаков В. Н. Указ. соч. С. 75.

¹² Leskinen J., Juutilainen A. Talvisodan pikkujattilainen. S. 499.

¹³ Сейдин И. И. О той войне незначимой // Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. 2. СПб., 2000. С. 27.

¹⁴ Talvisodan historia. Os. 1. S. 219.

¹⁵ См.: Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. Т. 1. СПб., 2003. С. 225–235.

¹⁶ Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963. С. 147. Степаков В. Н. Легенды и мифы финской войны // Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. 2. С. 114.

¹⁷ Коллекция воспоминаний ветеранов советско-финляндской войны 1939–1940 гг., собранная в 1989–1993 гг. и хранящаяся в личном архиве В. Н. Степакова (далее – личный архив В. Н. Степакова).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 34980. Оп. 14. Д. 44. Л. 58–59.

²² Там же. Л. 64.

²³ Там же. Л. 65.

²⁴ Финский реакционный полковник о боях на Карельском перешейке: Ханнула И. О. Некоторые выводы из решающих моментов боев на Карельском перешейке // «Правда», 1940, 17 авг.

²⁵ Там же.

²⁶ Личный архив В. Н. Степакова.

²⁷ Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил: Статистическое исследование. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 203–204.

²⁸ Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. // «Новая и новейшая история», 1993, № 4. С. 108.

²⁹ Там же. С. 109.

³⁰ Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 177, 182.

³¹ Новобранец В. А. Накануне войны // «Знамя», 1990, № 6. С. 170–171.

³² Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1998. С. 149.

³³ Там же. С. 149.

³⁴ Там же. С. 203.

³⁵ Там же. С. 203.

³⁶ Там же. С. 204.